

Служа здоровьем и красоте

Сегодня наш собеседник – врач-дерматолог, заведующая отделением эстетической медицины «Мединцентра», одной из лучших клиник Москвы, обслуживающей дипломатический корпус, кандидат медицинских наук В.В. Сапрыкова, беседу с которой мы и предлагаем вниманию читателей.

– Родилась я очень давно (смеется), в городе Каспийске Дагестанской АССР. По семейным обстоятельствам наша семья переехала в Московскую область, где я живу и в настоящее время. Одна. Родители у меня давно умерли. Есть взрослый сын 30 лет. Женат. Живет рядом через дом. Скоро буду бабушкой.

Училась в школе, как все. Пела в те годы в детском ансамбле, который по-

пал даже на конкурс «Интервидения» и по этому случаю нас показывали в «Будильнике». В детстве я мечтала стать летчиком. Переписывалась одно время с летчицей Klarой Хусаметдиновой. Но после школы поступила в Первый московский медицинский институт, потому что у меня долго болела мама, и я хотела быть такой, как те, кто ее спасал. Когда получила медицинский диплом, распределили меня на научную работу в ин-

ститут Гражданской авиации в филиале авиационной медицины. Там я занималась изучением влияния радиолокационных систем на организм работников летно-технического состава. Так как самолеты были моей мечтой с детства, в гражданскую авиацию пошла с удовольствием.

Проработала два года в филиале авиационной медицины, к тому времени родился сын, а наш отдел перевели из центра Москвы в Шереметьево. Каждый день в Шереметьево не наездишься, поэтому я решила сменить место деятельности. Мне предложили работу в Институте профессиональных заболеваний дерматологом-венерологом. Выдержала специализацию в ЦКВИ полгода, у профессора Каламкаряна. Он не хотел меня отпускать, но те, кто меня туда послал учиться, сказали «отдайте обратно». Я вернулась и трудилась врачом в филиале профессиональной дерматологии. Работа была интересной. Мне очень нравилась. Мы занимались обследованием рабочих, изучали влияние производственных факторов на кожу пациентов. Ездили в командировки.

В 1987 году защитила диссертацию. И тут оказалось, что на мои 360 рублей жить не так уж и просто. Пришлось подрабатывать. Пригласили меня в кожно-пластическую хирургию. Я там работала дерматологом, готовила людей к операциям, проводила восстановительное лечение после них. А потом позвали меня сюда, заведовать отделением. Там была своя интересная работа, а здесь совершенно другая, потому что в основном к нам идут иностранные граждане, жены послов и дипломатов из различных стран мира. То, что они ходят к косметологам-дерматологам, вполне естественно, так как для них многие условия жизни у нас непривычны, в частности, время и климат, на что не может не реагировать человеческий организм. Мы стремились к тому, чтобы уровень оказания нами медицинской и косметологической помощи как минимум не отличался бы от зарубежного. Поэтому постепенно перестроили наше отделение и подняли его на европейский уровень и даже лучше.

Валентина Владимировна Сапрыкова

Свою трудовую деятельность начала в 1978 году врачом-дерматологом. Затем стала младшим научным сотрудником отделения профдерматологии. Проходила стажировку в Англии, Франции, Чехии и Германии. С 1996 года возглавляет отделение эстетической медицины «Мединцентра», одной из лучших ведомственных поликлиник Москвы (более известной как поликлиника по обслуживанию сотрудников дипломатического корпуса). Отделение эстетической медицины, которым руководит Валентина Владимировна, одно из самых современно оснащенных и востребованных пациентами подразделений центра. В нем используют оборудование высших европейских стандартов и самые прогрессивные методики эстетической терапии и хирургии. В частности, здесь проводят бескровное и бесконтактное омоложение с помощью лазера, шлифовку и подтяжку лица. Валентина Владимировна – кандидат медицинских наук, имеет 26 научных работ. За успехи во врачебной и организационной деятельности она награждена медалью «В память 850-летия Москвы» и вписана в справочник «Знаменитые люди Москвы».

Что я люблю? Люблю, когда мои пациенты счастливы. Какими проблемами занимаетесь? Я, наверное, из так называемой «лошадиной породы». Меня больше привлекают те проблемы, которые с теоретической точки зрения решать крайне тяжело. Послеожоговые, посттравматические состояния, когда приходится не только восстанавливать пораженные участки кожи, но и прежде всего выводить людей из состояния безысходности. Многие приходили и боялись открыть лицо. Они ходили как бы в парандже, прикрываясь шляпой или вуалью, потому что лицо показать было невозможно. Я испытывала большое удовлетворение, когда удавалось им помочь.

К примеру, приходит одна пациентка и говорит: «Валентина Владимировна, вы знаете, что сказала моя подруга? Глядя, я хочу, чтобы у меня было лицо, как у тебя». И это после обширнейшего ожога! Или, когда другая пациентка, которой вылили на лицо кислоту, начинает капризничать «хочу быстрее...», я ей напоминаю: «Снимите верхнюю одежду и посмотрите, что у вас было». Она тут же замолкает... Но я, к сожалению, не могу заниматься всем телом, только лицом. Среди моих пациентов был также мальчик, которому от лопухости сделали операцию в Германии. Но операция прошла неудачно, у него вырос келоидный рубец, потому что ему нанесли разрез не на том месте. Причем келоидный рубец был больше, чем ухо. Привел его папа, сказав, что никто помочь не берется. И я начала им заниматься. В результате сегодня это красивый ребенок, с нормальными ушами, с гладкой кожей.

Понимаете, чем сложнее больной, тем большее удовлетворение получаешь, когда удается, что называется, поставить его на ноги. В такие моменты ощущаешь, что не зря живешь на этом свете.

– Кроме сотрудников дипломатических и торговых представительств, кто к Вам еще приходит на прием? Вы как-то привлекаете пациентов?

– Мы практически сейчас не даем рекламы ни в прессе, ни на телевидении. Срабатывает сарафанное радио. Многие приходят по направлению из других клиник. Например, наши друзья – клиника Вучетича – просто делают свое дело, а потом говорят: «А остальное делают они», имея в виду нас.

– Наверное, Вам сложно будет оценить, сколько у Вас было пациентов?

– Конечно, очень сложно посчитать, в день у меня проходит где-то от пятнадцати до тридцати больных, в зависимости от сложности.

– Это очень много.

– Очень много. И в выздоровление каждого надо вложить душу, сделать все, что от тебя зависит и наилучшим образом. Иногда слышишь от них в свой адрес: «Тятя Валя, ну ты просто как экстрасенс!».

– Эстетическая хирургия относится больше к медицине или к косметологии?

– Конечно, к медицине. Понимаете, считать ее косметологией можно только в какой-то маленькой частной клинике, которая занимается исключительно косметическими процедурами. А как я уже сказала, мы практикуем лечебную косметологию. Применяем индивидуальный подход к каждому, кто к нам пришел. Объясняем, зачем будем делать именно это, и почему ни в коем случае не будем делать другое. Прежде всего я показываю человеку на камере, как выглядит его кожа. Это интересно. И объясняю на мониторе этой камеры, увеличивающей в 150 раз кожу, что у него существует проблема вот эта, эта и вот эта. Человек, как правило, обращает внимание на проблему, которая визуалью его больше всего беспокоит. А я должна ему показать, с чего надо начать, чтобы по-

На приеме у Валентины Владимировны

Бригада отделения эстетической медицины после операции

дойти к этой проблеме. Например, приходит больной и говорит: «Мне надо убрать сосуд». Смотрю, а у него там и поры забиты, и сальные железы. Я уберу сосуд – рядом будет другой. Какой смысл? Надо сначала подготовить кожу, тогда и убирать сосуд, в этом случае рядом уже не появится подобный. И все это надо доказать, объяснить с научной точки зрения.

– Чтобы читатели имели представление, расскажите, пожалуйста, какие наиболее типичные проводятся у вас процедуры?

– Наше отделение оснащено современной аппаратурой: и лазерной, и фото-, и эпиляционной техникой. Для взрослых наша работа ведется в нескольких направлениях. Во-первых, это борьба со старением кожи, где мы занимаемся и фотоомоложением, и шлифовкой, и процедурами с лечебно-косметическими препаратами, и ультразвуковыми чистками, и различными пилингами. Другими словами подбираем, что подходит конкретному человеку. И, во-вторых, эстетическая хирургия: мы оперируем лазером, удаляем базалеомы, гемангиомы, родинки, различные образования на коже, тут же восстанавливаем кожу лица после угревой болезни. Короче говоря, убираем комплексы людские. А послеоперационных пациентов доводим до здорового состояния.

Что касается детей, то мы помогаем правильно развиваться их сальным железам. Если уже начались проблемы с угревой болезнью, стараемся освободить

ребенка от них. Это наиболее распространенная причина обращения к нам с детьми.

– Вы давно здесь работаете. Изменилась ли со временем клиентура вашего отделения?

– Изменилась.

Соотношение иностранцев и российских граждан стало не в пользу первых. По той причине, что многие из иностранцев теперь прикреплены к другим поликлиникам. Но и в этом случае многие все равно приходят к нам. Даже те, кто уже закончил работу в России (жены послов, МИДовский корпус, корреспондентский корпус), если они сюда приезжают, обязательно приходят к нам на процедуры. У меня есть две пациентки из Италии, которые приезжают ко мне два раза в год. Еще одна девушка, приезжая в отпуск из Америки, обязательно приходит сюда. Русские, москвичи, стали прикрепляться по стра-

ховым компаниям. Теперь у нас расширенный российский контингент.

Половина клиентов нашего отделения – мужчины. Может быть, это связано с тем, что наши люди больше стали выезжать за рубеж, видеть, что мужчины там посещают косметологические кабинеты. Возможно, что так называемые новые русские, приобретая молодых подруг, пытаются соответствовать их возрасту. А может, это связано с повышением нашего общего культурного уровня.

– А с какими проблемами чаще обращаются мужчины?

– Чаще всего обращаются с раздражением от бритья, в связи с появлением сосудов на лице, с остаточными явлениями после угревой сыпи. Многие приходят немного подкорректировать фигуру. И убрать различные визуальные дефекты: папилломы, бородавки, родинки.

– Пациенты всегда знают, что им надо?

– Мы, естественно, выслушиваем жалобы ото всех. А вот будем ли мы это делать или не будем – решать нам. Но

В юности Валя мечтала о самолетах

В научной экспедиции по Омской области

мы должны объяснить пациенту, чтобы он понял, что делать не надо, а что необходимо.

– **Валентина Владимировна, Вам приходится по роду деятельности сталкиваться с артистами, а они люди неординарные, порой необычно себя ведут. Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь интересный случай, связанный с такими знакомствами.**

– Я расскажу случай, который произошел, когда я еще работала в институте профзаболеваний. У нас устраивались различные культмассовые мероприятия для персонала института. И вот, однажды, мы пригласили Евгения Павловича Леонова, и он согласился у нас выступить. Кто же не любил Евгения Павловича? Когда он появлялся, все начинали улыбаться и ожидать, будто сейчас произойдет что-то хорошее. Перед концертом наш директор пригласил его в свой кабинет, и они там общались. А я была за кулисами. Вдруг подходит ко мне какая-то женщина и спрашивает: «А где Евгений Павлович?». Я ответила, что они с нашим директором у него в кабинете чай пьют. «Ах, они чай пьют! – говорит женщина. – Значит, я им не нужна! Ну, тогда, я поеду». И ушла.

Перед выступлением Леонов стал искать, где актриса, которая с ним приехала. Потом говорит мне: «Помоги

мне, Валя». Я согласилась, подумав, что он попросит представить себя зрителям, хотя, конечно, Евгений Павлович не нуждался в представлениях. Он дал мне некий листок, показал верхнюю строчку: «Видишь, – говорит, – вот мои слова, как ты услышишь эту фразу, читай дальше. Это твоя роль». Я очень испугалась, сосредоточилась на тексте. Мы вышли к зрителям, и Евгений Павлович стал произносить монолог пьяного человека на автобусной остановке. Он говорит, говорит, ходит вокруг меня и мне подмигивает. Наконец, повернулся и сказал: «Ну, говори, дура!» И я стала читать свой текст. Оказалось, Евгений Павлович увлекся и пропустил ключевую фразу, обыграл ее по-другому.

Потом он пригласил меня в театр в Летнем саду Эрмитажа на свой спектакль «Диктатура совести». Я сидела на первом ряду, среди VIP-персон. После спектакля, Евгений Павлович пригласил меня на сцену и представил зрителям: «Это мой дубль!».

– **У Вас 26 научных работ. Что Вы можете сказать о своей научной деятельности?**

– Моя кандидатская диссертация была посвящена профессиональной патологии кожи. Исследование было связано с различными предраковыми заболеваниями в определенных отраслях промышленности. Практикуя здесь, я постоянно сталкиваюсь с этой проблемой. Мои работы в основном посвящены подбору терапии и хирургических воздействий при лечении опухолевых и предопухолевых заболеваний, а также посттравматических состояний кожи. В настоящее время я пишу докторскую диссертацию на эту тему.

– **Уровень оснащенности вашего отделения не уступает западному. Как быстро к вам приходит новое оборудование, методики?**

– Они приходят быстро только потому, что мы их отслеживаем. Я член международного общества эстетических и пластических хирургов. Поэтому я посещаю все эти выставки, слушаю доклады, сама выступаю, слежу за всем новым в своей области. И не то что мы выбираем новое, только что, услышав о нем. Я иду на мастер-класс, беру себе на апробацию, и только после этого, если есть положительные результаты, мы это закупаем.

– **Интересно узнать подробнее о таких конференциях, мастер-классах.**

– Международные выставки регулярно проводятся в Москве. Ездим мы также и в Италию на международную выставку в Рим. Это выставки, куда съезжаются наиболее значимые специ-

«Дубль» с Е.П. Леоновым

На площади в Вене

алисты в области косметологии. Чаще всего приезжают из Франции, Италии, Испании, Швеции, Германии, Израиля. Это основные страны. В частности, они постоянно приезжают к нам на выставку «Интершарм». Там проводятся различные семинары по определенным проблемам и плюс ко всему в промежутках между лекциями проходят мастер-классы, где специалисты показывают методики, которые они предлагают на наш рынок. Мы ходим и смотрим на все эти выставки, пытаемся попасть на мастер-классы. Если мы не успеваем на какие-то из них, то у нас есть договоренности, что после к нам в поликлинику придут и сделают мастер-класс специально для всех сотрудников нашего отделения. И мы изучаем методику от и до. Потом мы просим нам дать на апробацию препараты и нам дают. Есть такая линия Valmont, на которой, прежде чем разрешить использовать свою косметику,

есть лазер по шлифовке «CO² – Коherent». Чтобы на нем работать, я ездила в Англию, сдавала экзамены, и только после этого мы купили аппарат, и я на нем работаю. Также мы покупали эпиляционный аппарат. Выбирая, прежде чем купить, мы ездили на место где его делают, смотрели и учились, как на нем работают.

– Есть какие-то методики российской школы косметологии, которые были бы для Запада новыми и интересными?

– Запад относится к российскому рынку очень необъективно. Они считают, что у нас плохая косметика. У них это делается на более «потребительском» уровне. Если сравнить, например, французскую косметику и русскую, наша может быть гораздо эффективнее, но она не так вкусно пахнет, не так быстро всасывается. Наши пациенты также привыкли к иностранной косметике. Мы

требуем пройти обучение (в данном случае у специалистов-французов) и сдать экзамен. И если мы не сдаем экзамен, то приходится пересдавать. Плюс ко всему они не разрешают использование своей «виповской» косметики в неблагоприятных условиях, в низко профессиональных фирмах. Прежде чем мне разрешили там учиться, они приезжали, снимали нашу клинику, смотрели наши документы, лицензии и так далее. Только после этого мне разрешили пройти обучение.

Когда мы работаем с французскими, итальянскими, шведскими, испанскими марками. Что касается оборудования, то оно у нас производится в незначительных количествах. Когда только начиналась конверсионная программа, наши военные делали, например, очень компактные и удобные лазеры. Но развитие эта отрасль не получила. А вот к нашим врачам я отношусь гораздо с большим уважением, чем к заграничным. Иностранцы знают одну методику и в дальнейшем только ей и пользуются, так же, как каждый врач у них занимается лишь одной проблемой. А нас так учили в институтах, что мы можем то и другое, пятое и десятое. У нас разносторонние интересы и пациенты. Был такой случай. К нам приехали иностранцы посмотреть, как мы работаем, и вдруг отключают свет. Иностранцы не знают, что делать в такой ситуации – не работает прибор! А мы-то можем все сделать руками.

Конечно, есть хирурги, косметологи (особенно в маленьких частных клиниках), которые работают лишь бы зарабатывать деньги. Но настоящий врач не будет этого делать. Я, например, не знаю, сколько стоит та или иная процедура, поэтому нет соблазна выбрать самую дорогостоящую. Я останавливаю свой выбор на той, которая необходима конкретным пациентам, и они в этом не сомневаются.

– Для того чтобы женщине быть красивой и неотразимой, кроме посещения косметического кабинета, что нужно?

– Прежде всего должна быть уверенность в себе. Отсутствие комплексов, которые мы вырабатываем с детства. У меня была одна пациентка, которая хотела, чтобы я направила ее к пластическим хирургам, потому что ей сказали в третьем классе, что у нее морщины. И это настолько повлияло на ее психику, что она пластырем подтягивала себе кожу возле глаз и, естественно, все себе растянула. Мы очень ранимы, особенно в детстве, когда одна неосторожно брошенная фраза, вырабатывает целый комплекс у человека. И когда мы освобождаемся от этих комплексов, мы остаемся, может, и не очень красивыми, но считаем себя красивыми. Нужно заниматься собой с психологическим уклоном. На Западе для этого есть психологи, психоневрологи, но мы к этому как-то еще не приучены. Поэтому, хорошо, если бы хи-

рург, косметолог, который занимался проблемой некоего субъекта, был бы еще и немножечко психологом. Он должен понять, в чем пациенту нужно помочь, чтобы убрать его комплекс. И тогда уже можно перейти к той внешней проблеме, что внешне имеет место.

– **Вы живете за городом?**

– Да, я живу в пригороде в однокомнатной квартире.

– **Как проводите свободное время, когда покидаете клинику?**

– Я, конечно, покидаю клинику.. (улыбается) иногда. Люблю музыку, люблю ходить в Консерваторию, в театр. У меня много клиентов из числа актеров. Они приглашают меня на вечера. Я человек очень компанейский. Не могу без компании. В своей квартире, где я живу одна, иногда чувствую дискомфорт, когда не звонит телефон. Но мне не дают испытывать его подолгу. Мне звонят, зовут в гости, на концерты, как я уже сказала. Недавно была в «Монолите», смотрела показ мод Зайцева. Очень люблю путешествовать. Поэтому каждый отпуск стараюсь посвятить какой-то стране. Европу я уже всю объездила. Вместе с друзьями побывали на Дунае, в норвежских фьордах.

– **Когда приезжаете в другую страну, каким образом начинаете с ней знакомиться? На что больше обращаете внимание: на природу, на то, как люди там одеваются, или на что-то другое?**

– Вы понимаете, почему-то, как они одеваются, меня интересует меньше всего. Я почти не слежу за модой. Сама придерживаюсь классического стиля, а он везде устойчивый, похожий. А вот природу люблю, часто фотографирую закаты и восходы солнца. Очень люблю общаться с людьми. Обожаю узнавать кухни других стран. И даже в Москве посещаю рестораны с различными национальными кухнями. Отдаю предпочтение тайской кухне.

– **Помимо того что в свободное время ходите в театр, интересуетесь искусством, путешествуете, чем еще занимаетесь? Что Вы читаете, например?**

– Знаете, я не люблю фантастику, детективы и любовные романы. Больше интересуюсь исторической тематикой, книгами по искусству и очень много времени у меня занимает чтение профессиональной литературы. Еще люблю мультфильмы. Наши. Иностранные вы-

V.V. Сапрыкова со своим сыном Сергеем

зывают у меня раздражение, не люблю искусственного. Наши мультфильмы такие искренние, добрые. Вспомните, например, «38 попугаев», насколько там все искренне, наивно. Их герои – будто настоящие дети. Дети они ведь не врут. Они что думают, то и говорят. А за границей делают мультфильмы по-другому: они хотят показать все красиво, красочно, дорого, но подчас это получается не искренне.

– **Если не секрет, чем занимается Ваш сын?**

– Он спортсмен. Работает тренером в фитнес-клубе. Жена у него учительница.

– **Сам он решил стать спортсменом, или Вы на него как-то повлияли?**

– Вообще-то, он всегда занимался спортом. Я очень хотела, чтобы сын стал врачом. Он даже закончил медучилище. Но после мне сказал: «Мама, так, как ты, я работать не смогу. С утра и до ночи на работе. Хочу еще жить». И мы на семейном совете решили: пусть сам выбирает, чего он хочет. И он закончил Академию физкультуры и спорта. Получил еще второе высшее образование по туризму и гостиничному хозяйству. И в конечном счете выбрал себе ту деятельность, которой он сейчас занимается.

– **Какие качества человеку необходимы, чтобы быть хорошим врачом?**

– Наверное, нужно уметь сострадать, сочувствовать, понимать человека. Помните, Чехов говорил, что хороший врач, даже не сделав ничего пациенту, просто поговорив с ним, уже по-

может. И это очень важно. Пациент приходит к тебе, ты должен его прежде всего понять, а для этого надо уметь сострадать. Ну и, конечно, врач должен, в науке идти на шаг впереди многих. Потому что, чтобы помочь человеку, ты должен очень много знать.

– **Как Вы относитесь к научному прогрессу, который движется вперед быстрыми темпами, в том числе и в медицине? Сейчас наших знаний хватает на то, чтобы изменить какие-то формы лица (нос, брови...) оперативным путем, но, возможно, скоро мы сможем закладывать такие изменения генетически. Например, пожелали: «Хочу, чтобы у моего ребенка были голубые глаза...» и ... пожалуйста. Иными словами, прослеживается ли здесь связь между гуманизмом и техническим прогрессом?**

– У меня довольно консервативное отношение к этой проблеме. Я не против новых методик, но они должны оправдывать свое назначение. Наверное, не обязательно вмешиваться в генетический код человека, поставив цель сделать ему голубые глаза. А если уж прибегать к такому вмешательству, то только для того чтобы, скажем, у больных родителей ребенок был стопроцентно здоров.

– **Вы верите в Бога?**

– Да, конечно. Я просто уверена, что он есть. И больше того, перед тем как я делаю какие-то серьезные операции, я иду в храм попросить помощи.

Денис ДАНИЛОВ